

Ленину не пришлось долго руководить проведением этой «новой экономической политики» (НЭП). Заболев в 1921 году, он в следующем году окончательно уходит от управления государством. Разбитый параличом, он умирает 21 января 1924 года.

В чем идейное наследство Ленина? — Какое же идейное наследство, какую программу оставил Ленин своим преемникам?

Так как наследство это относится к 25 годам, к различным эпохам, моментам и настроениям, из него можно черпать самые различные и прямо противоположные выводы. Если опираться на последние мнения Ленина (конца 1920–1922 гг.), уже растоптавшего иллюзии, нужно прийти не только к правому коммунизму, а к чему-то значительно правее его. И осмелюсь при диктатуре заместителя Ленина — Сталина — кто-нибудь повторить слова и мысли Ленина 1921 года, он был бы немедленно объявлен контрреволюционером, сослан в концентрационный лагерь или расстрелян как белогвардеец-предатель. Наоборот, если вернуться к Ленину 1917–18 гг., с его «призывами» устремиться вперед, немедленно перейти к социализму «или погибнуть», не трудно будет найти, что от него к Сталину и к эпохе пятилетки — путь, с формальной стороны, совершенно прямой.

Вовсе не нужно быть идейным противником большевизма, чтобы видеть, что друг друга взаимно исключаящие программные ответы Ленина графически могут быть изображены не кривой линией, характеризующей эволюцию взглядов, от которой не застрахован никакой политический деятель, а зигзагообразной линией с резкими изломами, диктуемыми то вынужденными уступками перед действительностью, то, наоборот, страстными попытками ее переделать.

<...>

Диктатура в партии и диктатура в стране. — Так как волей исторических судеб коммунистическая партия оказалась поставленной во главе России, то естественно, что вождь этой партии, ее полновластный диктатор, оказался вместе с тем и диктатором всей России. Таким образом, брошенный в 1903 году Троцким упрек Ленину в «тактике осадного положения, закрепленного диктатурой», оказался не фразой, вырвавшейся в пылу политической полемики, а фактическим проникновением не только в будущее коммунистической партии, но и в будущее великой страны. С помощью того же Троцкого вождь коммунистической партии положил в России основание для страшнейшей из когда-либо существовавших диктатур.

Для Ленина диктатура являлась, прежде всего, логическим выводом из его общих теоретических взглядов на государственное насилие, как средство уничтожения всех препятствий, стоящих на пути социалистического строительства и создания бесклассового общества.

Конечно, Ленин, будучи все же марксистом, никогда не утверждал, что государственное насилие и, в частности, террор, останутся навсегда неизбежными в том строе, который стремится установить руководимая им коммунистическая партия. Вслед за «Коммунистическим манифестом» Маркса и Энгельса, Ленин считает, что наступит наконец время, когда государство, как орудие насилия и принуждения, будет сдано в архив истории вместе с топорами каменного века. Но такой момент может, по мнению Ленина, наступить еще очень и очень не скоро, не раньше, чем совершенно изменится человеческая природа и «коллективный человек» встанет на место современного*.

Первоначальный демократизм Ленина. — Правда, в период непосредственно предшествовавший захвату большевиками власти Ленин, в целях явно демагогических, стараясь выхватить у Временного правительства его собственное оружие, заявлял во всеуслышание, что страной можно управлять, только свято охраняя и по возможности расширяя все так называемые «демократические свободы».

---

* В своей книге «Государство и революция», написанной им в августе и сентябре 1917 г., Ленин дал теоретическое объяснение проповедуемому им захвату власти «авангардом пролетариата», т. е. большевиками. «Авангард пролетариата, — писал Ленин, — способный захватить власть и повести все общество к социализму, нуждается в государстве как централизованной организации силы и насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров, и для руководства массами населения». Человеческая природа, какова она теперь, «должна подчиниться вооруженному авангарду... пока народ не приучится соблюдать элементарные условия социального существования без насилия и без подчинения»... «Пока пролетариат вообще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах сокрушения врагов». Революционная социалистическая власть, захватив в свои руки аппарат государственного принуждения, прежде всего осуществит «первую фазу коммунистического общества», в которой «буржуазное право отменяется не вполне, а лишь... по отношению к средствам производства... но оно остается в качестве регулятора распределения продуктов и распределения труда между членами общества. Кто не работает, тот не ест... Однако это еще не коммунизм», так как «неравные люди за неравное количество труда» еще получают «неравное количество продуктов». Такова, согласно указанной книге Ленина, переходная стадия между буржуазным государством и полным осуществлением коммунизма. Только при последнем окажется ненужным применение какого бы то ни было насилия. Тогда и наступит наконец «отмирание государства» (Ленин. Государство и революция. Стр. 117, 119, 120).

В наследстве Ленина защитники демократии могут найти картины самого крайнего развития демократического принципа. Для этого достаточно обратиться хотя бы к пересмотру Лениным партийной программы, произведенному им в мае 1917 года. Он находил тогда, что совокупность демократических мероприятий, намеченная в партийной программе 1903 г., недостаточна. Вдохновляясь образом французской коммуны 1871 года, он заявляет, что партия «не может ограничиться буржуазно-парламентарной демократической республикой» и должна в части демократических преобразований идти дальше и последовательнее. Развивая эти мысли, он находит, что конституция должна обеспечить:

I. Самодержавие народа; вся верховная власть в государстве должна принадлежать представителям народа, составляющим одно народное собрание.

II. Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право; пропорциональное представительство; сменяемость всех без исключения делегатов и выборных в любое время по решению большинства избирателей.

III. Широкое местное самоуправление; отмену всяких государством назначенных местных и областных властей.

IV. Неприкосновенность личности и жилища.

V. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов.

VI. Выборность судей и должностных лиц, как в гражданской службе, так и в армии, народом. Сменяемость всех их в любое время и по решению большинства их избирателей.

VII. Замену полиции и постоянного войска всеобщим вооружением народа.

Излишне перечислять другие параграфы составленной Лениным конституции. Во всех деталях ее можно найти в томе XX сочинений Ленина (изд. 1927 г., стр. 303–310) и в официальных заявлениях партии большевиков в 1917 г.

Отказ от демократизма. Диктатура вождя. — Однако с приходом большевиков к власти Ленин резко отказывается от подобной демагогической тактики, и от всех его ультра-демократических заявлений ничего не остается.

Составленная Лениным хартия прав человека и гражданина сгорела в огне революции и гражданской войны. Диктатура рабочего класса и крестьянства привела к диктатуре коммунистической партии, которая, в свою очередь, последовательно превращаясь сначала в диктатуру Центрального Комитета, а дальше в диктатуру Политбюро, увенчалась в конце концов диктатурой одного лица.

Сталин в своих взглядах на диктатуру, как и во многих других пунктах, является продолжателем Ленина, упрощенным его изданием. Абсолютная власть советского государства, воплощенная в лице правящего диктатора, подчинила себе всю жизнь громадной страны не только политически и экономически, но и духовно. В руках советского государства школа, наука, научные исследования, ежедневная пресса, театр, литература, все искусства, — все. Государство управляет духовной жизнью страны, вдохновляясь в своих заказах и директивах обязательной для всех государственной идеологией. В этой обстановке отдельная личность должна терять свою особенность и без остатка растворяться, сливаться с коллективностью, которую воспитывает и формирует государство. На практике это означает: работай так, как указывает государство, мысли так, как оно требует, говори, что оно желает*.

«Демократическая» конституция Сталина. — После того, как советская власть в течение длинного ряда лет не переставала утверждать, что всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право и все индивидуальные свободы — не более как буржуазный предрассудок, VII съезд Советов (от 6 февраля 1935 г.) принял постановление, которое могло показаться полным переворотом в правовом укладе СССР. Передавая сущность этого решения, председатель Совета Народных Комиссаров Молотов тогда же заявил следующее: «По инициативе товарища Сталина поставлен вопрос об изменении Советской Конституции. Пришло время, когда страна Советов в целях дальнейшего укрепления советской системы может перейти к полному воплощению в жизнь всего, что есть лучшего во всеобщем, прямом, равном и тайном избирательном праве на основе советского строя»**. Речь Молотова носила все внешние признаки заявления огромной принципиальной важности. Она как будто клала конец 17-летнему издевательству над принципами, положенными в основу демократических представительных учреждений.

Прошло менее двух лет после речи Молотова, и то, что он говорил, получило законодательное освящение. 5 декабря 1936 г. VIII Всесоюзный Съезд Советов одобрил проект конституции СССР, доложенный председателем Конституционной Комиссии Сталиным. Конституция 1936 г. в некоторых отношениях идет даже дальше того, что мог предвидеть Молотов. «Сталинская

---

* Более подробная характеристика диктатуры Ленина и Сталина дается в главе «Вождь и его власть». О том, какое влияние эта диктатура оказывает на страну, говорится во всех последующих главах этой книги.

** «Правда», 7 февраля 1935 г.

конституция» вводит всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право, провозглашает свободу слова, печати, собраний, право на отдых, на образование, на различные виды социального обеспечения и т. д. Она, наконец, заключает в себе отказ от советской системы, т. е. от построения органов власти по восходящему принципу, в виде пирамиды советов. И тем не менее принцип диктатуры в управлении страной новой конституцией ни в какой мере не колеблется. Напротив, с введением этой конституции воля вождя освобождается от последних партийных сдержек. Что касается свобод, провозглашенных конституцией, то они решительно ничем реальным не гарантируются и смогут осуществляться фактически лишь в той мере, в какой это будет угодно тому же вождю*.

Итак, если советская власть считает полезным по временам проявлять показную приверженность демократическим принципам, то на практике в ее политике нет более устойчивого элемента, чем решительный отказ от всех основных начал гражданской и политической свободы.

Тактика коммунистической партии. — Программа Российской коммунистической партии и организационные принципы, легшие в ее основу, неминуемо должны были отразиться и на ее тактике.

Неудивительно, что эта тактика, в свою очередь, представляет большие особенности по сравнению с тактикой европейских партий обычного типа. Коммунистическая партия, по своей тактике, — прежде всего боевая, революционная партия. Отношение к идее вооруженного восстания являлось в свое время одной из основных причин расхождения большевиков и меньшевиков.

Отношение к идее вооруженного восстания. — Хотя многие меньшевики тоже говорили о вооруженном восстании, нетрудно заметить, что приятие его было у них и психологически, и политически совершенно иным, чем у большевиков. Для первых, грубо говоря, восстание было скорее темой философских и социологических размышлений, исторических изысканий, отнюдь не практической задачей, как у вторых. Меньшевики боялись, что разговоры о технике восстания заслонят собою вопросы политического просвещения масс.

Чтобы показать, как далеко в этом вопросе, как и в других, большевики отстояли от меньшевиков, достаточно процитировать

---

* Описание советского политического строя и, в частности, более детальная оценка сталинской конституции даны в главе: «Государственный и хозяйственный строй СССР».

один изумительный, красочный исторический документ, впервые опубликованный в 1926 г. в «Ленинском сборнике», а потом перепечатанный в томе VIII его сочинений (изд. 1929 г., стр. 326 и след.). Это — глубоко характерное письмо Ленина от 16 октября 1905 г. в Боевой Комитет, образованный при петербургской организации большевиков*. Ленин благодарит Комитет за присланную записку «об организации подготовки восстания» и схемы этой организации и затем разносит в пух и прах эти схемы.

«Все эти схемы, все эти планы организации Боевого Комитета производят впечатление бумажной волокиты. В таком деле менее всего пригодны схемы, да споры и разговоры о функциях Боевого Комитета и правах его. Тут нужна бешеная энергия и еще энергия. Я с ужасом, ей-Богу, с ужасом вижу, что о бомбах говорят больше полгода и ни одной еще не сделали... Идите к молодежи. Основывайте тотчас боевые дружины везде и повсюду, и у студентов и у рабочих особенно. Пусть тотчас же организуются отряды от 3 до 10 человек. Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога. Пусть тотчас же эти отряды выберут себе руководителей и связываются, по возможности, с Боевым Комитетом при петербургском комитете. Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, Христа ради, на все схемы, пошлите вы Бога ради все функции, права и привилегии ко всем чертям. Не требуйте обязательно вхождения в Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию — это было бы абсурдным требованием для вооруженного восстания. Если через 1–2 месяца у Боевого Комитета не будет в Питере, минимум, 200–300 отрядов, тогда это мертвый Боевой Комитет. Тогда его надо похоронить. Проповедники должны давать отрядам, каждому, краткие простейшие рецепты бомб, элементарнейший рассказ о всем типе работ, а затем предоставлять всю деятельность им самим. Одни сейчас же предпринимают убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания, третьи — маневр или снятие планов и т. д. Но обязатель-

---

* Указанный документ был обращен к Н. А. Скрыпнику, возглавлявшему в то время Боевой Комитет. После большевистского переворота 1917 г. Скрыпник достиг высоких постов. По партийной линии он состоял членом Центрального Комитета коммунистической партии и членом Центрального Комитета и Политбюро украинской коммунистической партии, а по советской линии членом президиума Центрального Исполнительного Комитета Украинской республики и председателем ее Госплана. 7-го июля 1933 г. Скрыпник покончил жизнь самоубийством, которое Центральный Комитет коммунистической партии объяснил тем, что Скрыпник запутался в своих связях с буржуазно-националистическими элементами Украины («Правда», 8 июля 1933 г.).

но сейчас же начинать учиться на деле. Не бойтесь этих пробных нападений. Они могут, конечно, выродиться в крайности, но это беда завтрашнего дня, а сегодня беда в нашей косности, в нашем доктринерстве, ученой неподвижности, старческой боязни инициативы. Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избииении городских: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч»*.

Можно, кажется, перерыть всю меньшевистскую литературу и быть уверенным, что в ней нет ничего подобного только что приведенным документам. Ленин не резонерствует, а хочет, чтобы его люди дрались, уничтожали врагов, убивали их кастетами, ножами, чем попало. Ленинских призывов и ленинских рецептов не могли давать меньшевики, всегда видевшие свое главное оружие не в кастете и бомбе, а печатном и устном слове**.

---

* Не довольствуясь этими краткими общими наставлениями, Ленин пишет в том же 1905 году длинную детальную инструкцию «отрядам революционной армии»:

«Отряды могут быть всяких размеров, начиная от двух-трех человек. Отряды должны вооружаться сами, кто чем может: ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, веревка или веревочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии). Даже без оружия отряды могут сыграть серьезнейшую роль: 1) руководя толпой, 2) нападая при удобном случае на городского, случайно отбившегося казака, 3) спасая арестованных или раненых, когда полиции очень немного, 4) забираясь наверх домов, в верхние этажи и осыпая войска камнями, обливая кипятком. Теперь лозунг восстания уже дан. Начинать нападения, при благоприятных условиях, не только право, но и прямая обязанность каждого революционера. Убийство шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, освобождение арестованных, отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания, — каждый отряд революционной армии должен быть немедленно готов к таким операциям. Каждый отряд должен помнить, что, упуская сегодня же представившийся случай для такой операции, он — этот отряд — оказывается виновным в непрости- тельной бездеятельности, в пассивности, а такая вина есть величайшее преступление революционера в эпоху восстания».

** То же различие психики сказывается и в отношении большевиков и меньшевиков к французскому якобинству. Ленин был в него влюблен. Накануне ноябрьского переворота он воспевал якобинство (см. «Правда» 24 июня 1917 г.), а в ходе революции постарался провести на практике все якобинские методы и указания, начиная с лозунга «мир хижинам — война дворцам», объявления целых партий вне закона и кончая массовым террором и образованием революционных трибуналов. Влечение к якобинству сказалось у Ленина уже в 1902 г., когда, определяя, что такое революционный социал-демократ, он заявил, что «якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, — это и есть революционный социал-демократ» — формула, кстати сказать, повергшая тогда в ужас многих меньшевиков.

Ленин о профессиональных революционерах. — Основное содержание вышедшей в 1902 г. и имевшей шумный успех брошюры Ленина «Что делать?» уже свидетельствует о том, какое большое значение он придавал вооруженному восстанию, насилию и вообще всем формам революционной борьбы.

В этой брошюре Ленин заявляет: «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию». Ленин высмеивает в ней тип кустаря-революционера и противопоставляет ему «профессионального революционера», который занимается только революцией, подготавливает демонстрации, готовит народ к вооруженному восстанию. Партия, по его мнению, должна состоять из специализировавшихся в разных областях профессиональных революционеров. В ней не может быть никакой «игры в демократизм» и в выборное начало. Она должна сложиться около газеты «Искра» и управляться этим центром. Эта совокупность испытанных, крепких, никогда не колеблющихся революционеров, должна быть готова на все, «начиная от спасения чести, престижа и преемственности партии в момент наибольшего угнетения и кончая подготовкой, назначением и проведением всенародного вооруженного восстания»*.

Эта приверженность большевиков к тактике революционного насилия, их вера в возможность «прямым действием» добиться прочных социально-политических успехов показывает, что, кроме Карла Маркса, у них были и другие духовные предки.

Духовные предки большевиков и тактический принцип: цель оправдывает средства. — История революционного движения в России не только продолжительна, но и сложна. Во второй половине XIX века, когда террор начинал все чаще и чаще применяться в качестве метода революционной борьбы, перед представителями левой революционно-настроенной молодежи не замедлил встать мучительный вопрос, все ли позволено в борьбе со старым строем, где моральный предел того, что в этой борьбе допустимо. Но если для большинства русских революционеров той эпохи вопрос решался в том смысле, что «чистое дело должно делаться чистыми руками»**, то отдельные революционеры отвечали на тот же вопрос категорическим утверждением, что в борьбе за лучшее будущее все позволено.

* Ленин. «Что делать?». 1902 г., стр. 136.

** Слова Н. В. Чайковского, одного из главнейших руководителей «Кружка Чайковцев», объединившего в своем составе многочисленных представителей русской левонастроенной молодежи и явившегося в истории освободительного движения одной из крупных узловых станций русской революционной мысли и практики.

В конце 60-х годов в левых студенческих кругах было впервые произнесено имя С. Г. Нечаева. Вскоре это имя, благодаря особым методам революционной борьбы, примененным Нечаевым, получило более широкую известность, и за этими методами в русской истории навсегда осталось закрепленным название «нечаевщины». «Мы имеем только один отрицательный и неизменный план, — писал Нечаев в издаваемом им за границей журнале “Народная расправа”⁴, — план беспощадного разрушения. Ближайший путь к такому разрушению — террор: мы безотлагательно примемся за истребление извергов в блестящих мундирах, обрызганных народной кровью... Но мы не будем трогать царя... Мы убереем его для казни торжественной, мучительной перед лицом освобожденного народа, на развалинах государства». В свою очередь и идеальный тип революционера рисуется Нечаевым в чертах беспощадного разрушителя государства и всего старого общества. «Революционер, — учил Нечаев, — поглощен единым интересом, единой мыслью, единой страстью — революцией... Он ненавидит и презирает во всех побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него только то, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему... Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение... Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире, где все должно быть ему в равной степени ненавистным. Тем хуже для него, если у него родственные, дружеские и любовные отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку».

«Революционный тип» Нечаева и «профессиональный революционер» Ленина — два родных брата. Их портреты написаны теми же красками. Сталин, живое воплощение ленинского «профессионального революционера», принадлежит к той же духовной семье.

Люди такой моральной складки не могли сомневаться в том, что в борьбе со старым строем все позволено. Нечаев, всей своей практической революционной деятельностью доказавший, что у него слово не расходилось с делом, в своем известном «Катехизисе» писал: на путях «к страшному полному, повсеместному и беспощадному разрушению революционная организация должна соединиться с диким разбойным миром — этим истинным и единственным революционером в России». В высокой степени показательно, что впоследствии, в своих наставлениях партийным товарищам, Ленин, в свою очередь, не отрицал возможности сближения между революционерами и «разбойным миром»*. От Лени-

---

* Авторство «Катехизиса» несколько спорно. Некоторые приписывают его знаменитому анархисту Бакунину. Но, во всяком случае, бесспорно, что

на не укрылось, что «мелкие экспроприации идут прежде всего, а иногда и всецело на содержание экспроприаторов» и что «эту форму борьбы восприняли босяческие элементы населения, люмпены и анархистские группы». Тем не менее возражая тем членам партии, которые находили, что вооруженные «экспроприации» денег, начавшие все чаще и чаще практиковаться большевиками с 1906 г., рискуют стереть различие между революционером и профессиональным грабителем, Ленин писал: «Говорят: партизанская война приближает сознательный пролетариат к опустившимся пропойцам босякам. Это верно. Но отсюда следует только то, что никогда партия пролетариата не может считать партизанской войны единственным или даже главным средством борьбы: что это средство должно быть подчинено другим, должно быть соразмерено с главными средствами борьбы, облагорожено просветительным и организующим влиянием социализма»*. В предисловии к одному из томов издаваемых большевиками «Материалов по истории революционного движения в России XVII и XVIII вв.» советский профессор истории и бывший комиссар просвещения М. Покровский пишет по поводу Пугачева, полуразбойничьего, полуреволюционного вождя того социального бунта, который потряс Россию в эпоху Екатерины II: «Нам не приходится стыдиться отдаленных родственников XVIII века». М. Покровский, конечно, прекрасно знает, что путь Пугачева отмечен бесчисленными насилиями, убийствами и грабежами. Но это обстоятельство его ни в малой степени не смущает. С точки зрения советского историографа жестокости отдаленных большевистских «родственников» вполне оправдываются тем, что они были направлены против классового врага. «Беспощадным Пугачев, правда, был, — пишет Покровский, — но только по отношению к одному классу — помещикам»**.

Правда, сам Ленин всегда протестовал, когда его упрекали в том, что его тактика столь же аморальна, как и тактика Нечаева. Тем не менее в его глазах морально приемлемо все то, что может практически помочь разрушить старое общество эксплуататоров. «Тот, кто боится запачкать руки, — писал Ленин, — не должен заниматься политикой... Наивные белоручки в политике только вредны». «Мы вполне допускаем, — писал в другом случае Ленин, — что с точки зрения гражданской войны можно доказывать

если даже «Катехизис» не принадлежит перу Нечаева, то на содержание его Нечаев оказал большое влияние и что это произведение он усердно распространял в России.

* Н. Ленин. Партизанская война. «Пролетарий» № 5. 1906 г.

** Предисловие к сборнику «Пугачевщина». Т. I. Москва, 1926 г.

и доказать нецелесообразность тех или иных форм гражданской войны. Но всякое моральное осуждение ее совершенно недопустимо с точки зрения марксизма»*. Несмотря на все нежелание Ленина, чтобы его методы революционной борьбы уподоблялись нечаевским, собственные суждения Ленина о революционной морали остаются до очевидности схожими с тем, что словом и делом проповедовал Нечаев. Троцкий был поэтому несомненно прав, когда он, еще задолго до прихода Ленина к власти, утверждал, что между «Общими правилами» нечаевского катехизиса и большевистской революционной тактикой имеются несомненные черты глубокого духовного сродства.

Духовное родство «нечаевщины» с большевистской тактикой было в конце концов признано и в советской литературе, как известно пишущей только то, что согласуется с официальной точкой зрения. В эпоху Сталина ряд советских историков поставил себе прямой задачей реабилитацию памяти Нечаева, а один из них, А. Гамбаров, пришел к категорическому выводу, что взгляды Нечаева «нашли для себя полное воплощение в методах и тактике российской коммунистической партии за 25 лет ее существования»**.

За самые последние годы Сталин, по-видимому, начинает приниматься за пересмотр своей духовной генеалогии. Взгляды М. Покровского, считавшегося ранее непогрешимым в своих исторических приговорах, теперь официально признаны ошибочными. Бывшему советскому историографу ставится на вид, что он не сумел оценить творческие, созидательные силы русского народа. Сталин склонен теперь думать, что его отдаленным духовным предком XVIII века является не Емельян Пугачев, а великий реформатор России, император Петр Великий. В связи с этой новой духовной генеалогией вождя начинает гаснуть в официальных советских кругах и былое увлечение «разбойным миром». «Правда» в громовой статье «Фальсификация народного прошлого» обрушилась на советского поэта Демьяна Бедного, недавно еще пользовавшегося высоким официальным покровительством. «Грубейшая ошибка Демьяна Бедного, — пишет “Правда”, — в том, что его пьеса (“Богатыри”) является попыткой возвеличить разбойничков Киевской Руси как какой-то положительный и даже революционный элемент в нашей истории... Разве не известно, кто такие были эти “разбойнички”. Это были люди личной наживы, а вовсе не какие-то носители революционной борьбы... В книгах, брошюрах, прокламациях Бакунина, Нечаева и других анархи-

---

* Н. Ленин. Партизанская война. «Пролетарий». № 5. 1906 г.

** «Споры о Нечаеве». Москва, 1926 г.

ствующим можно не один раз встретить восхваление разбойников как носителей революционного начала в русском народе. Такие настроения и позже находили себе отражение среди всякого рода деклассированных элементов... А Демьян Бедный с неожиданным избытком наивности создает свою «разбойничью» теорию русской истории, явно стремясь изобразить разбойников как своего рода истинных революционеров Киевской Руси и пытаясь перекинуть мостик к современности»*. Однако уже один тот факт, что недавно еще общепризнанный советский бард, Демьян Бедный, в своей пьесе «Богатыри» перекидывал «мостик» от русских «разбойников» к современным ему большевикам, показывает, что внезапно впавший в немилость советский поэт просто не сумел понять вовремя, что в 1936 году «вождю» понадобились другие песни, а не те, которые приказано было петь еще год, полтора тому назад. Не сразу поняла это, впрочем, и сама «Правда», предоставившая в свое время свои столбцы Демьяну Бедному, пространно изъяснявшему на них глубокий революционный смысл и историческую правду своих «Богатырей». До грозного официального окрика не поняла, как она должна была себя вести, и советская критика, увидевшая вначале в новом произведении Демьяна Бедного «органически целостную народную сатирическую пьесу», «подлинную народную комическую оперу».

Возможно, что в связи с новыми национально-историческими тенденциями «вождя» власть попытается навязать массам и какую-то новую «революционную мораль», далекую от той, которой вдохновлялась в свое время старая большевистская гвардия. Но, во всяком случае, все поведение Сталина убеждает в том, что моральными образцами для самой власти и на будущее время останутся «революционный тип» Нечаева и «профессиональный революционер» Ленина.

Нечаев был не единственным предшественником большевиков, которого было бы большой ошибкой не назвать, говоря об их духовных предках. Приблизительно в одно время с Нечаевым в революционных кругах пытался играть роль П. Ткачев, прозванный «главой русских якобинцев». Кружок, образовавшийся вокруг Ткачева, численно был незначителен. Взгляды, высказанные Ткачевым в издававшемся им за границей журнале «Набат»⁵, вначале мало обратили на себя внимание. Зато они были полностью оценены основателями большевистской партии.

Ткачев был также сторонником той точки зрения, что настоящему революционеру все позволено. В не меньшей степени его

---

* «Правда», 15 ноября 1936 г.

сближает с большевиками и высказанный им взгляд на принципы партийной организации. По мнению Ткачева, только заговор, проведенный сознательным меньшинством, может привести к успешной революции. Для этой цели нужна партия сильнее-шим образом централизованная, строго дисциплинированная, проникнутая иерархическим принципом, не отступающая перед насилием, способная обрушиться на своих палачей и мстить за свои жертвы. «Ни теперь, ни в будущем, — писал Ткачев, — народ, предоставленный своим собственным силам, не в состоянии произвести социальную революцию... Народ без вождей не в состоянии также построить новый мир на развалинах старого... Подобная роль и подобная миссия по плечу исключительно одному только революционному меньшинству»*. Эти слова Ткачева в ходе дальнейших событий оказались поистине пророческими. Они как бы предвидели грядущее появление Ленина, величайшего поклонника якобинских организационных принципов, и образование партии большевиков с их глубоким, принципиальным недоверием к политической самодеятельности народных масс, с централизованной и насквозь проникнутой авторитарным принципом партийной организацией, со стремлением пересоздать всю социальную жизнь путем безапелляционных декретов и мер жесточайшего насилия. «Когда читаешь Ткачева, — говорится в его биографии, вышедшей в Советской России, — можно забыть, что его произведения написаны пять десятилетий тому назад, и подумать, что имеешь дело с литературой того времени, когда провозглашено было, что нетрудящийся да не ест»**, т. е. в большевистскую эпоху.

Если не обращать достаточного внимания на духовную генеалогию большевиков, многое в том, что последовало сейчас же за ноябрьским переворотом, может поразить своей неожиданностью. Напротив, тактика русских коммунистов делается более ясной, когда знаешь, что в числе их духовных предков не только те, которые имеются у всех вообще социалистов, но и такие, как Нечаев, Ткачев и русские «разбойнички». От таких предков Ленин и унаследовал свою веру, что в борьбе с классовыми врагами все позволено. Стать на другую точку зрения для него значило бы — вообще не бороться. Все моральные сомнения по поводу того, что

---

* Аналогичные мысли не раз высказывались Ткачевым в издававшемся им за границей журнале «Набат»², но те же взгляды со всей ясностью, какая была только возможна в цензурных условиях, он развивал и в легальных журналах. См., например, его статью «Разбитые иллюзии» в журнале «Дело». 1868 г. № 12.

** Б. Козьмин. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. Москва. 1922 г. Стр. 113.

он делал, Ленин называл «лживым поповством». «Мы должны, — говорил он, — спрашивать: ты за кого? За революцию или против? Если против — к стенке. Если за — иди к нам и работай». То же говорил и Троцкий после того, как он встал на сторону Ленина. «Революция потому революция, что все противоречия развития она сводит к альтернативе: жизнь или смерть»*. В том же духе действует до последнего времени и «вождь народов России и мирового пролетариата» Сталин.

Аморальность государственной власти, вооружающейся формулой — «мне все позволено» — омерзительна. Но фактическая сила такой власти, конечно, огромна и не может быть сравнима с силою государств, ограниченных и ограничивающих себя комплексом различных писанных и неписанных законов**.

---

* Л. Троцкий. «Моя жизнь», т. II. Стр. 210.

** Несомненно, те, кто искренне верили, что в борьбе за лучшее будущее все позволено, были людьми особой душевной складки. Троцкий как-то заметил, что «при достаточной опытности, глаз даже по внешности различал большевика от меньшевика, с небольшим процентом ошибок». В конце концов, только художественная литература в состоянии раскрыть до настоящих глубин душевное состояние тех, кто в своей ригористической уверенности никогда не сомневался в том, что против врага «все позволено». Русская литература действительно осветила эти проблемы с присущей ей силой. Правда, главнейшие темы русской литературы — это не ненависть, а любовь, не разрушение, а созидание. Тем не менее в ряде произведений русских писателей можно найти исключительно богатый психологический материал для понимания как духовной генеалогии большевизма, так и его современной психологии. Достоевский первый с особой яркостью осветил прототип большевика. В романе «Преступление и Наказание» главный герой, Раскольников, убеждающий себя, что «не то что великие люди, но и чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое должны по природе своей быть непременно преступниками», решается на страшный опыт. Он убивает старуху ростовщицу для того, чтобы проверить себя, «осмелится ли он, когда потребует убит человека, убит без всяких мучений, жалости, угрызений совести». В конце концов Раскольников не выдерживает испытания. Совесть наказывает его за совершенное преступление. В основу своего другого романа, «Бесы», Достоевский положил кошмарный эпизод из революционной деятельности Нечаева, когда последний приказал своим сообщникам убить студента Иванова, осмелившегося не во всем соглашаться с революционным главарем. Нечаев выведен в этом романе под именем Петра Верховенского, который учит: «Мы уморим желание, мы пустим пьянство, сплетни, донос, мы пустим неслыханный разврат, мы всякого гения задушим в младенчестве: все к одному знаменателю, полное равенство...» В 1905 году, когда провозглашенная свобода печати в значительной степени развязала русскую литературу, мучительная проблема, — все ли позволено в борьбе с врагом, — стала открыто трактоваться как часть общественно-политической проблемы. На этой теме останавливались Л. Андреев, Мережковский, Андрей Белый, Ропшин (Савинков) и др. «Побеждают, — говорит один из героев романа Савинкова “То, чего

Демагогия в тактике большевиков. — Одни только большевики, в силу присущей им тактики, могли с легким сердцем, в демагогических целях, присваивать себе программу своих политических противников, даже если они относились к ней по существу решительно отрицательно. В этом отношении очень характерна история аграрной программы большевиков. Они вначале резко отвергали аграрную народническую программу социалистов-революционеров, настаивавших на так называемой «социализации земли», т. е. на переходе всей земли в руки общин и уравнительном ее распределении с запрещением прибегать к наемному труду. Не было социал-демократа, не издевавшегося над аграрной программой социалистов-революционеров. Среди них первым был

не было», — не книжкой, а кулаками, не тем, что нюнят, Лазаря поют, а бомбами, пулеметами, кровью. Не понимают, что кровь всегда кровь, как там ее ни размазывай. Поменьше, мол, крови. — Да ведь это иезуитство». После смерти Савинкова его роман, впервые появившийся в 1912 г., был переиздан в 1927 г. в советском издательстве. И чрезвычайно характерно, что в этом издании из книги были выключены все те, наиболее сильные, места, где другие герои романа утверждали, что убивать нельзя. Старая, как мир, заповедь: не убий, вытравляется из советской жизни большевистской цензурой. После гражданской войны людей, хлебнувших человеческой крови, на Руси оказалось великое множество. Они заняли всю авансцену русской жизни. В советской литературе таких отравленных человеческой кровью людей сколько угодно. Несмотря на препоны, советская литература под прикрытием всяких маскировок все же запечатлела этот тип победителя, занявшего командные места на высших постах коммунистической партии и всюду. Если не лучше, то смелее других это сделал в своем романе «Угар» Даниил Фибих. Сергей Чагин, герой этого романа, говорит: «Кто умнее и сильнее, кто у власти, тот и законы делает. Раньше законы царь издавал, охраняя себя, теперь большевики себя охраняют. То революционеров шлепали, а теперь контрреволюционеров. Каждый на свой лад. Плевать я хочу на закон. Я сам закон. Что хочу, то и делаю, а кто мешать будет — по затылку, да за ноги». В эпоху индустриализации, когда даже у некоторых видных большевиков начинало «дрейфить сердце» и они попадали в лагерь «уклонистов от генеральной линии, оппортунистов, маловеров, паникеров», как их презрительно характеризовал Сталин, понадобилось особенно усердно прививать к строителям социализма принцип «все позволено» для того, чтобы эти строители не знали ни колебаний, ни жалости, ни чувства стыда, ни угрызений совести. Поэтому советские верхи и оказали сильную поддержку в общем не особенно талантливому Ф. Гладкову, который в своем романе «Энергия», посвященном созданию Днепростроя, рисует психологический тип человека, отвечающего требованиям «генеральной линии». Герой этого романа, убежденный сталинец Мирон, все «жалостливые сантименты» называет «женскими болезнями». «С сердцем, — говорит он, — далеко не уйдешь. В борьбе оно должно быть вырвано к чёрту. В борьбе я растопчу первого, кто останавливается перед стенами и кровью». С такой именно психологией вожди коммунистической партии и производят свои «социалистические» опыты над великой страной.

Ленин, высмеивавший эту программу как плод незрелой мысли мелкого буржуа.

Первоначальная аграрная программа большевиков. — На втором съезде партии в 1903 году Ленин предложил аграрную программу, которая была им принята. При освобождении от крепостного права крестьяне, по общему правилу, получили меньшее количество земли, чем то, которым они ранее пользовались. Ленин ограничился требованием возвращения им «земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием их закабаления». Эта программа была чрезвычайно скромной по сравнению с аграрной программой, выдвигавшейся в 1905 году либеральной конституционно-демократической партией*. Объяснение крайней умеренности, которую тогда проявлял Ленин в аграрном вопросе, надо искать в его теоретических предпосылках. В своем исследовании «Развитие капитализма в России» (1899 г.) Ленин утверждал, что крупные формы земельного хозяйства являются более прогрессивными по сравнению с мелкими крестьянскими хозяйствами и что поэтому, в интересах скорейшего развития капитализма в России, — а следовательно, и подготовки социализма, — было бы ошибкой чрезмерно поддерживать более отсталые формы землевладения за счет более прогрессивных.

В 1905 году Ленин почувствовал, что программа возвращения «отрезков» является «скандальным» моментом в его революционной жизни, и потому от «возвращения отрезков» он сразу прыгнул к «конфискации всей помещичьей земли» — требованию, в 1905 году официально занесенному в большевистскую программу. Однако крестьянство и в эпоху 1905 года, и в революцию 1917 г. оставалось холодным к агитации социал-демократов и явно склонялось к аграрной программе социалистов-революционеров.

Усвоение Лениным аграрной программы социалистов-революционеров. — Для Ленина найти выход из этого положения было не трудно. Аграрная программа партии социалистов-революционеров, — говорил Ленин, — совсем не наша программа, но если для победы революции, для утверждения советской власти, для привлечения к нам крестьянства нужно, чтобы мы, большевики, ее

---

* См. главу «Россия перед революцией 1917 года», стр. 21. Специалист этой партии по аграрному вопросу, Герценштейн, немало смутил тогда сторонников ленинского плана передачи крестьянам «отрезков», показав, что подобная мера сведется к увеличению крестьянских земель всего на 7½–9 миллионов гектаров.

приняли, мы это сделаем. Четыре года позднее Ленин прямо заявил, что ноябрьская революция победила только потому, что большевики приняли программу социалистов-революционеров и тем привлекли к себе крестьянство. «Почему мы победили?» — спрашивал Ленин на III Конгрессе Коммунистического Интернационала (22 июня — 12 июля 1921 г.), и отвечал: десять миллионов рабочих и крестьян были под ружьем и не хотели воевать. Они пошли за нами потому, что мы бросили лозунг — немедленный мир во что бы то ни стало. Но не этим одним определилась победа. «Мы победили потому, что приняли не нашу аграрную программу, а социалистов-революционеров и осуществили ее на практике. Наша победа в том и заключается, что мы осуществили программу социалистов-революционеров: вот почему эта победа была так легка... 9/10 крестьянской массы в течение нескольких недель перешли на нашу сторону».

Это не помешало, конечно, большевикам впоследствии, когда они почувствовали себя прочными, разрушить индивидуальные крестьянские хозяйства и проделать над крестьянами такой аграрный эксперимент, который ничего общего с аграрной программой социалистов не имеет. Тогда только крестьяне убедились, что они оказали поддержку не своим друзьям, а тем, кто на некоторое время надел на себя дружескую личину.

Аморальность большевиков и расправа со своими политическими противниками. — Принципиальная аморальность большевиков, их глубокое убеждение, что цель оправдывает средства, отметили собой не только период борьбы коммунистической партии за государственную власть, но и всю эпоху их затянувшегося господства над страной. С особой яркостью эта аморальность выступает тогда, когда большевики расправляются со своими действительными или мнимыми врагами. В таком случае они без всяких колебаний вступают на путь самых вопиющих жестокостей.

Одним из первых актов подобной расправы с теми, кто, по их мнению, мог в дальнейшем оказаться для них опасным, явилось в полном смысле слова злодейское убийство большевиками Николая II, его жены, детей и нескольких преданных лиц, добровольно разделивших заточение с бывшим царем, и многих великих князей. Убийство Николая II и близких ему лиц было совершено в ночь на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге, в подвале дома Ипатьева, где тогда находилась в заточении царская семья. В убийстве приняли участие местные чекисты, выполняя постановление Президиума Уральского Областного Совета. Самая обстановка убийства была поистине кошмарной. Трагическая смерть бывшего царя, до последнего момента не перестававшего болеть душой за судьбы

России, окружила его ореолом подлинного мученичества. Однако центральные руководители большевистской партии не поколебались одобрить поступок екатеринбургских чекистов. Уже 19 июля Свердлов, тогдашний председатель Центрального исполнительного комитета, по телеграфу уведомил екатеринбургских большевиков, что этот Комитет «признал решение Уральского Областного Совета правильными». Есть, однако, основание полагать, что и самый расстрел царской семьи был задуман не в Екатеринбурге, а в Москве*.

Ни в одной из революций расправа с низложенным монархом не облакалась в такие бессудные и разбойничьи формы, как в Екатеринбургской трагедии.

Большевицкий террор. — Теперь, когда после большевистского переворота прошло 19 лет, трудно указать во всей России хотя бы одно населенное место, которое не явилось бы ареной жестокой расправы большевистских вождей с теми, кто, по их мнению, стоит или же может встать поперек их пути. Их власть построена на миллионах человеческих жизней, принесенных ими в жертву. Большевистский переворот далеко оставил за собою все кровавые ужасы, известные в истории других революций.

Сами большевики, когда им приходится иметь дело с европейским общественным мнением, обычно утверждают, что «красный террор» они стали применять исключительно в порядке самозащиты, после первых террористических покушений контрреволюционеров на «вождей пролетариата». Действительно, вскоре же после ноябрьского переворота новая власть торжественно объявила о полной отмене смертной казни в России. В № 1-м «Газеты Временного рабочего и крестьянского правительства» от 10 ноября 1917 г. было напечатано: «Всероссийский съезд советов постановил: восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется». Большевики не замедлили, однако, снова восстановить смертную казнь, и притом в объеме неизмеримо более широком, чем это было сделано Временным правительством. 21 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров издал постановление, привлекающее к обязательным работам «под надзором красноармейцев» мужчин и женщин «из состава буржуазного класса» и предписывающее всех «сопротивляющихся расстреливать», а равным образом «расстреливать на месте преступления контрреволюционных агитаторов». Это постановление ни слова не говорит хотя бы о подобии какого бы то ни было суда

---

* См. книгу следователя по важнейшим делам Н. Соколова, которому Верховный Правитель Колчак поручил вести следствие об убийстве большевиками царской семьи. Н. Соколов. «Убийство царской семьи». Стр. 244–265.

над «контрреволюционерами». Оно является прямым официальным призывом к красному террору в форме бессудной расправы.

Таким образом, террор, истребление классового врага, уже применялись большевиками на практике более, чем за полгода до первых «белогвардейских покушений» на «вождей пролетариата», происшедших лишь в конце августа и начале сентября 1918 г.*. Теоретическое же оправдание террора, вернее признание его исторической неизбежности и практической полезности, было сделано большевиками еще до прихода их к власти. «Диктатура пролетариата, — писал Бухарин в составленной им в начале 1917 г. программе большевистской партии, — есть остро отточенный топор в руках рабочего... Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов... является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи». Еще весной 1917 года Ленин во многих из своих речей утверждал, что проведение социальной революции невозможно без уничтожения некоторого количества буржуев. Со своей стороны Троцкий, протестующий в настоящее время против сталинских расправ со своими противниками, в ответ на книгу Каутского «Терроризм и коммунизм», дал идеологическое обоснование террору: «Враг должен быть уничтожен... Устрашение является могущественным средством политики, и надо быть лицемерным ханжей, чтобы этого не понимать».

Большевики, следовательно, делали по существу только практический вывод из своих теоретических построений, когда они прибегали к террору. Задолго и до первых покушений на вождей пролетариата и до того, что на Чрезвычайную Комиссию (ЧЕКА) была официально возложена обязанность защищать советскую власть путем «красного террора» (сентябрь 1918 г.), «чрезвычайные меры» — смертная казнь и бессудные расправы — уже практиковались по всей территории Советской России. Точная статистика первых большевистских расправ вряд ли когда-либо будет установлена. Но, во всяком случае, сам председатель Чрезвычайной Комиссии Дзержинский впоследствии признавался, что «бессистемные кровавые эпизоды», вызванные «ненавистью революционного пролетариата против поработителей», имели место с самого начала большевистского переворота. Как бы оправдывая

---

* Первые покушения тех, кого большевики называли контрреволюционерами, на вождей коммунистической партии, имели место осенью 1918 г. 30 августа этого года в Петербурге социалист студент Канегиссер убил народного комиссара Северной Коммуны, руководителя Петербургской Чрезвычайной Комиссии Урицкого. 10 сентября социалистка Каплан произвела покушение в Москве на Ленина и ранила его.

свою кровавую деятельность, Дзержинский писал: «Я стремился провести систематизацию карательного аппарата революционной власти. За все время Чрезвычайная Комиссия была не что иное, как разумное направление карающей руки революционного пролетариата»*.

После первых покушений на вождей коммунистической партии волна красного террора сразу же поднялась на такую высоту, что один из виднейших и наиболее кровожадных руководителей Всероссийской чрезвычайной комиссии, Петерс, был вынужден признать, что в Петербурге после убийства Урицкого «расстрелов было слишком много и часто без разбора»**.

Раз начавшись, террор как метод «выработки коммунистического человека», то несколько затихая, то усиливаясь до размеров подлинной кровавой бойни, не прекращался в СССР за все время большевистского господства. Продолжается он и в последнее время. Убийство преданного Сталину большевика Кирова, совершенное в декабре 1934 года, тогда же вызвало новую волну террора. В августе 1936 г. и в начале 1937 г. «чрезвычайные» террористические меры, хотя и облеченные в видимость судебных форм, были применены Сталиным к ряду бывших ближайших сподвижников Ленина.

Русская коммунистическая партия — партия непрекращающегося социального эксперимента. — Боевая по своим заданиям и по существу, лишённая устойчивой программы, по-военному организованная, верная принципу «цель оправдывает средства», русская коммунистическая партия не могла не превратиться в партию социального эксперимента. В течение 19-летнего господства она непрерывно производила в великой стране нередко прямо противоположные эксперименты над всеми сторонами жизни, начиная от области экономических отношений и кончая семьёй, школой, литературой, искусством и вообще моральными ценностями. То общее, что связывало воедино эти многообразные, а иногда и взаимно противоречивые как по своим задачам, так и по своему содержанию, опыты, — это, прежде всего, желание удержать во что бы то ни стало «власть пролетариата» и, во-вторых, несомненная смелость и не менее несомненное насилие, с которыми они производились. В настоящее время нет никаких решительно оснований утверждать, что затянувшееся над страной эксперимен-

---

* Записка, поданная Дзержинским в Совет Народных Комиссаров 17 февраля 1922 г.

** «Утро Москвы», 17 ноября 1918 г.

тирование приходит к концу. Внутренние отношения в СССР носят на себе признаки столь ясно выраженных внутренних противоречий и кричащей дисгармонии отдельных частей громадного социального организма, что перед властью еще не раз будет вставать искушение прибегнуть к излюбленному ею способу воздействия на жизнь, т. е. хирургическому вмешательству.

Желание большевиков сравнивать себя с Петром Великим. — В русском прошлом имеется одна, совершенно исключительная по своему историческому значению фигура, с которой сами большевики в последнее время все чаще и чаще любят себя сравнивать, — это Петр Великий. Его реформа, несомненно, также носила внешне насильственный характер. Она потребовала от страны величайшего напряжения и бесконечного количества личных и материальных потерь. На современников она должна была произвести впечатление внезапно налетевшего на них шквала, революции, произведенной с высоты престола. Несомненно, талантливый советский писатель Ал. Толстой, в своем историческом романе «Петр I», усиленно гримирует Петра I под большевика. Деятельностью великого реформатора он старается объяснить и оправдать деяния советской власти*.

Внешние аналогии всегда опасны, они легко могут увлечь на совершенно неверный путь. Внешне насильственный характер реформы, проведенной Петром в обстановке войны с сильнейшим противником, когда каждое промедление могло оказаться для России роковым, не мешало, однако, этой реформе в своем существе оставаться глубоко органической, непосредственно связанной с исконными русскими историческими процессами. Петру, страшно торопившемуся со своими преобразованиями, не раз приходилось сознаваться, что то или другое из сделанного им «не гораздо осмотра учинено было». Не раз он бывал вынужден, не считаясь с количеством личных и материальных средств, которые были на это нужны, заново переделывать то, что ему в свое время казалось совершенным. Но при всех этих колебаниях «генеральная линия» Петра I — европеизация России — оставалась неизменной. Неудачи в отдельных деталях не помешали ему столь основательно «прорубить окно в Европу», что его не смогли заколотить даже

---

* Евразийцы — сравнительно недавно образовавшееся в русской эмиграции историко-философское течение, — утверждающее, что Россия не Европа и не Азия, а «Евразия» и что ей поэтому чужды чисто европейские пути развития, не раз в своих произведениях называли Петра Великого «коронованным большевиком».

большевики. Напротив, большевики неоднократно сами признавали свою «генеральную линию» ошибочной и резко ее изменяли.

Параллель с Петром Великим, таким образом, только лишний раз обличает основной грех большевизма. Значительная часть основных мероприятий советской власти насильственны не только по форме, но и по существу. Это неизбежный результат неорганичности ряда большевистских начинаний, их резкого разрыва с русским историческим прошлым.

